

О 18-й ежегодной конференции «История и культура Японии»

Е.Б. Сахарова

17–19 февраля 2016 г. в РГГУ прошла очередная ежегодная конференция «История и культура Японии», организованная Институтом восточных культур и античности РГГУ. В конференции приняли участие 45 исследователей из России и Японии, представлявших самые разные отрасли японистики (история, филология, философия и др.). Многие выступления были посвящены различным аспектам взаимодействия Японии с внешним миром. Некоторые доклады основаны на новых архивных данных. Это, безусловно, одно из важнейших событий в отечественной японистике.

Ключевые слова: конференция, история и культура Японии, Институт восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета.

17–19 февраля 2016 г. в РГГУ прошла очередная ежегодная конференция «История и культура Японии», организованная Институтом восточных культур и античности РГГУ. По традиции открыл конференцию и поприветствовал собравшихся директор ИВКА И.С. Смирнов.

В конференции приняли участие 45 исследователей из России (Москва, Санкт-Петербург) и Японии (г. Акита). Текущая геополитическая и экономическая ситуация привела к заметному сужению и географии, и числа участников. Впервые за многие годы в силу очевидных причин (напряженность в российско-украинских отношениях) на конференцию не смогли приехать представители Украины. Исследователи не из Москвы фактически оказались отрезаны – из-за тяжелой ситуации с финансированием у них попросту нет возможности приехать в столицу. Исключением стали лишь представители Санкт-Петербурга, приехавшие, однако, за свой счет.

Тем не менее, конференция, безусловно, прошла успешно. Уровень докладов был стабильно высоким, многие докладчики затрагивали пересекающиеся темы, что добавило интриги и увлекательности. Целый ряд выступлений основывался на новых архивных данных, впервые были введены в научный оборот не известные прежде, зачастую уникальные источники. Прекрасной школой и для молодых, и для взрослых исследователей стало традиционное для конференции открытое и благожелательное обсуждение докладов, порой выливавшееся в жаркие дискуссии.

Все доклады можно (весьма условно) разделить на 5 блоков: *История, Филология, Религии и философия, Искусство, Современная Япония.*

Значительная часть докладов так или иначе затрагивала различные аспекты взаимодействия японской культуры с внешним миром. В частности, речь шла об адаптации европейской живописи и европейской музыки в эпоху Мэйдзи (Лебедева О.И., Голубинская Н.Ф.), о проблеме культурных заимствований в эпоху Токугава (Мещеряков А.Н.), о 2-ой российской экспедиции на Сахалин в 1807 г. (Климова О.В.) и о приеме японских послов в 1862 г. (Климов В.Ю.), о первых гастролях Мариинского театра в Японии (Михайлова С.Я.), о влиянии хайку на французскую поэзию XX столетия, о разных аспектах представлений о варварах и иноземцах в эпоху Хэйан (Власова Н.В., Грачев М.В.), и о многом другом. Словом, данная тема оказалась востребованной во всех отраслях японистики, представленных на конференции, при этом были охвачены практически все периоды японской истории.

Больше всего прозвучало докладов по истории и филологии.

Открывали конференцию доклады по *филологии*, в том числе доклады, посвященные источникам периода Муромати, комической поэзии эпохи Эдо и современности, влиянию японского жанра хайку на французскую поэзию и многие другие. Обо всем по порядку.

Первой выступила **Е.М. Дьяконова** (ИВКА РГГУ) с докладом на тему «Два предисловия к “Собранию старых и новых песен Японии” (“Кокинвакасю”) – Ямато или Тан?». Исследовательница отметила, что японское и китайское предисловия во многом дублируют друг друга. И хотя японское, безусловно, получило большее признание и впоследствии было лучше известно, встречаются и списки «Кокинвакасю» только с японским или только с китайским предисловием. В ходе обсуждения прозвучал важный вопрос М.В. Грачева о том, скрывалась ли идеологическая подоплека за наличием двух предисловий. Однако дать однозначный ответ на этот вопрос никто из присутствовавших не смог.

М.В. Торопыгина (ИВ РАН) познакомила коллег с исследованием рукописного списка поэтического сборника «Коясан Конгодзаммай-ин тандзаку» (1344). В сборнике причудливо переплелись религия, поэзия и политика. Текст был составлен в литературном кругу Асикага Такаудзи, ставшего одним из авторов сборника. Составлению сборника предшествовало переписывание сутр, в котором участвовали сам Такаудзи, его брат и Мусо Сосэки. Стихи, всего 120, сочинялись на каждый знак строки из сутры. Среди авторов, помимо сёгуна Такаудзи и его брата, были и бывший император Когон (прав. 1331–1333) и тогдашний император Комё (прав. 1336–1348). Количественное соотношение стихов четко выявляет политическую функцию сборника. Наибольшее число стихов принадлежит сёгуну и его брату. За ними следуют бывший и правящий императоры. Среди участников сборника и воины, и аристократы, но последние представлены меньшим числом стихотворений.

А.А. Дудко (ИВКА РГГУ) рассказала о дневнике Итидзё Канэра (1402–1481) «Фудзикава-но ки», написанном в 1473 г., сразу после путешествия автора дневника в провинцию Мино. Итидзё Канэра был известным ученым и признанным знатоком ритуалов, дважды занимал должность *кампаку* (канцлер). В Мино он отправился к своей семье, с которой оказался разлучен из-за смуты годов Онин. Дневник написан на японском языке с вкраплениями *канси*, что было новшеством. Конечно, тема смуты, беспорядков присутствует в дневнике, но скорее как фон. Прежде всего – это литературный текст с обилием танка

(80 стихотворений) и литературно-поэтических аллюзий. Исследователи отмечают, в частности, значительное влияние и частые отсылки к «Гэндзи-моноготари».

М.В. Щепетункина (ун-т Осака), опираясь на методологию структурализма, попыталась вычленив в мифологической части «Кодзики» основные композиционные элементы мифа и круг обсуждаемых в мифах тем.

Проблемам художественного перевода было посвящено выступление **А.А. Баевой** (МГПУ ИИЯ) «Художественный перевод как интерпретация (на материале “Манъёсю”»». Речь шла о сопоставлении и анализе переводческих методов на примере английских (Э. Крэнстон и А. Вовин) и русских (А.Е. Глускина) переводов «Манъёсю».

М.К. Цой (ИСАА) рассказала о комической поэзии жанра *сэнрю*, опираясь на исследование классических (период Эдо) и современных *сэнрю*. Были рассмотрены главные принципы жанра, классификация юмора в *сэнрю*, основные приемы создания стихов в данном жанре.

А.А. Долин (ун-т Акита), готовящий к публикации монографию о хайку во французской поэзии, представил результаты проведенного исследования, уделив особое внимание французским поэтам первой трети XX века.

О.А. Наливайко (ИСАА) подробно рассказала о гастрономическом романе Гэнсай Мурай (1863–1927) «Куи до:раку» («Наслаждение от обжорства»), наглядно запечатлевшем невероятную популярность кулинарного жанра в эпоху Мэйдзи и стремление японских обывателей уголить голод на самый передовой – европейский – манер.

К.В. Спиридонова (РАНХиГС ИОН) рассказала о месте русской литературы в личной библиотеке и творчестве Акутагавы Рюноскэ.

О.В. Шуган (ИМЛИ) проанализировала реакцию М.А. Горького на события русско-японской войны, основываясь в том числе на не известных ранее письмах писателя.

Е.А. Паутина (ИСАА) в своем сообщении представила результаты исследования образа «чудесной девы» на примере японских сказок, попытавшись выделить основные типы «чудесных дев», а также общефольклорные и собственно японские черты данных персонажей.

Н.Ю. Петренко (Международный ун-т, Москва), выступившая в формате сообщения, исследовала динамику развития женских образов в «Гэндзи-моноготари», выделив персонажи с отрицательной и положительной динамикой, а также отметив наличие статичных образов.

У.П. Стрижак (ИИЯ МГПУ) представила результаты лингвистического исследования японских и русских художественных текстов (тема доклада «Проблема интерпретации культурного смысла: из опыта сопоставления японской и русской лингвокультур»). Сопоставление грамматических и синтаксических ресурсов японских и русских текстов позволило выявить разницу в представлениях о мире у носителей языка.

Среди докладов по *религии и философии* три были посвящены японским религиозным представлениям во многом переломной эпохи Камакура, что является отражением общей тенденции: в последние годы именно исследователи японских религий внесли основной вклад в разработку этого мало изученного в отечественной японистике периода.

Н.Н. Трубникова («Вопросы философии») проанализировала 6-й раздел «Сборника наставлений в десяти разделах» («Дзиккинсё», 1252 г.), посвященный отношениям между правителем и подданным. Был выделен основной набор тем в рассказах о преданности и особенности раскрытия этих тем. В отличие от многих более поздних источников, в сборнике совсем не прозвучала тема мести за господина.

М.В. Бабкова (ИВ РАН) рассказала об отношении к сбору подаяния в японском буддизме XII–XIV вв. Как оказалось, представители разных буддийских школ по-разному относились к этому, но в то же время фиксируется и общность базовых установок большинства буддийских авторов.

В докладе **А.М. Дулиной** (независимый исследователь) речь шла о трактовке «исконной сущности» Хатимана в трудах Нитирэна (1222–1282). Имеется в виду учение о том, что в одном из прошлых рождений Хатиман был Буддой Шакьямуни. Нитирэн не только был хорошо знаком с этим учением, но и внес в него новые элементы. В частности, отождествив Хатимана с древним государем Одзин, прославившимся завоеванием Кореи.

А.П. Беляев (ИВКА РГГУ) рассмотрел два текста – «Из диалога о языке. Между японцем и спрашивающим» Мартина Хайдеггера и «Письмо к японскому другу» Жака Дерриды, заинтересовавшись присутствовавшими в них японскими собеседниками. В первом тексте происходит диалог Хайдеггера с японцем, во втором японец выступает лишь молчаливым адресатом Дерриды. В обоих случаях речь идет о межкультурной коммуникации представителей Запада и Востока, и то, какие роли играли европейские философы и их «воображаемые японские друзья» (по определению А.П. Беляева), представляет несомненный интерес.

Среди докладов по *искусству* прозвучали два выступления о европейской музыке и одно о европейской живописи в эпоху Мэйдзи, о театре и кино, о чайной церемонии.

Доклад **О.И. Лебедевой** (независимый исследователь) был посвящен историческому жанру живописи *ёга* (букв. «западные картины», т.е. живопись в западном стиле), в котором, как оказалось, нашла отражение складывавшаяся каноническая версия «национальной истории».

А.П. Бурыкина (МГУ) провела сопоставительный анализ сведений о труппах *саругаку*, имеющих в трактатах Дзэами, с одной стороны, и в дневнике аристократа Фусими-но-мия Садафуса (1372–1456), «Канмон-никки» («Дневник о виденном и слышанном») – с другой. Особое внимание уделив при этом конкуренции в актерской среде.

М.Л. Теракопян (НИИК-ВГИК) проанализировала авангардизм в современном японском кино, рассказав о крупнейших именах и показав фрагменты самых значимых фильмов. Мощный пласт агрессии и деструктивности, присущих японскому авангарду, вызвали неоднозначный отклик у аудитории. Видимо, сказались и усталость, накопившаяся к концу второго дня очень насыщенной конференции.

А.В. Кудряшова (ИСАА) рассказала об игровых формах чайного действия, проводимых исключительно в учебных целях – для закрепления достигнутых навыков.

С.А. Михайловой (МГЛУ) удалось обнаружить не известные ранее материалы о первых гастролях Мариинского театра в Японии в 1916 г. Произошло это благодаря удивительной находке части архива балерины Е.А. Смирновой (1888–1934) – примы на этих

гастролях. Также участникам конференции посчастливилось увидеть уникальную кинохронику, запечатлевшую встречу японского принца Котохито Канъин (1865–1945), прибывшего с визитом в Петербург в 1916 г. Велика вероятность того, что 18 сентября 1916 г. принц посетил спектакль в Мариинском театре, где давали балет «Конек-горбунок».

М.В. Есипова (Московская консерватория) рассказала об исследовании японской традиционной музыкальной терминологии, которое позволило выявить тунгусо-маньчжурские, алтайские и корейские, а также индийские заимствования в данном слое лексики.

Доклад **Н.Ф. Клобуковой (Голубинской)** (Московская консерватория) был посвящен начальному этапу возникновения детской музыки (по европейским образцам) в качестве одного из воспитательных элементов, внедрявшегося в детских садах и школах. Выступление включало аудиозаписи подобных песен.

Несколько докладов были посвящены различным проблемам *современной японской культуры*.

П.Э. Подалко (Университет Аояма) затронул ряд актуальных проблем, связанных с попытками пересмотра и изменения существующего законодательства по вопросам семьи и брака: проблема выбора супругами общей фамилии при вступлении в брак (по японскому законодательству у супругов должна быть одна фамилия), проблема признания устойчивых отношений однополых пар, частичная дискриминация женщин при повторном вступлении в брак и некоторые другие.

А.Д. Мозгунова (МГИМО) попыталась проследить взаимосвязь между ценностями и образами рекламы и национальной картиной мира. В целом, как отметила докладчица, японскую рекламу отличают мягкость, отсутствие категоричности и императивности. Другой важной особенностью является отношение к потенциальному покупателю: он рассматривается как член группы, обладающей более высоким статусом по сравнению с производителем, что отражено в способах обращения к потенциальным покупателям.

К.А. Спицына (независимый исследователь) на примере японской компании игрушек «Такара-Томи» проследила историю производства игрушек в Японии, универсализацию в этой области с одновременным сохранением черт своеобразия.

В совместном докладе **В.В. Акимовой** и **И.С. Тихоцкой** (МГУ) были проанализированы перспективы использования солнечной энергии в Японии, дана оценка возможностей солнечных установок быть эффективным ответом на экологические и энергетические вызовы городской среды, способствуя созданию совершенно нового типа городов — «солнечных».

Е.В. Полхова (СПбГУ) рассказала о деятельности Японской федерации экономических организаций в современной Японии.

Исторический блок, как обычно, был одним из самых представительных. Были затронуты все без исключения исторические периоды, но больше всего прозвучало выступлений по эпохе Мэйдзи. Особый интерес вызвали доклады по картографии: о первых русских картах Японии (В.В. Щепкин) и об изображениях Японии на европейских и восточноазиатских картах XV–XVII вв. (Е.К. Симонова-Гудзенко).

М.В. Грачев (ИСАА) в своем докладе «Представления об иноземцах и варварах в официальной идеологии раннесредневековой Японии» на широком круге источников IX–XII вв. рассмотрел базовые представления японцев о внешнем мире. Основное внимание докладчик уделил зафиксированным в источниках определениям и классификациям «варваров», а также атрибутам, приписываемым варварам в японской культуре того времени. М.В. Грачев, в частности отметил, что в «Дзёган гисики» («Установления годов Дзёган», IX в.) атрибуты варваров и чужестранцев совпадают.

В докладе **Н.В. Власовой** (ИВКА РГГУ) «Образы силланцев в дневнике Эннина» были проанализированы данные дневниковых записей знаменитого монаха Эннина (794–864), жившего в Китае в 838–847 гг. В источнике зафиксированы очень тесные и неоднозначные отношения японцев с подданными корейского государства Силла –имплицитно негативные оценки, восходящие к представлениям о Силла в качестве вассального по отношению к Японии государства, так и множество сведений о самой разносторонней поддержке силласцев (включая их непереносимое участие в составе посольств), гораздо более успешно интегрированных в китайское общество и значительно превосходивших японцев в деле мореплавания. Представленный в докладе яркий, живой материал очень наглядно свидетельствует о чрезвычайно тесных связях с Силла и силласцами. Японцы, считавшие Силла своим вассалом, безусловно, остро нуждались в поддержке Силла и зависели от таковой. Думается, представленный материал дает основания предположить, что разрыв официальных (последнее посольство из Японии в Силла датируется 779 г.), а позже и торговых связей Японии с Силла стал одним из немаловажных факторов, приведших впоследствии и к сворачиванию официальных контактов с Китаем.

В докладе **М.С. Коляда** (МГУ) «"Мо:ко сю:рай экотоба"¹ как источник по культуре воинов периода Камакура» была предпринята попытка проанализировать отчет воина Такэдаки Суэнага, участвовавшего в боях во время монгольских вторжений в Японию в 1274 и 1281 г., в качестве источника сведений об идеологии самурайства и о бытовой военной культуре (бюрократической системе сёгуната, системе отчетности о военных доблестях). Речь в докладе шла, в частности, о низовом звене системы отчетности – обычае свидетельствования, когда перед боем заранее договаривались о том, кто засвидетельствует доблесть или доблестную смерть воина.

В докладе **А.М. Горбылев** (ИСАА) была проанализирована эволюция взглядов создателя дзюдо и выдающегося педагога Кано Дзигоро (1860–1938) на сущность и цель практики дзюдо и его концепция «дзита кёэй» («совместное процветание для себя и других»). Взгляды Кано Дзигоро удивительно контрастируют с атмосферой шовинизма 20-х годов XX столетия, хотя в них и отсутствует открытая критика общепринятого курса. Нужно было обладать недюжинным умом и мужеством, чтобы не поддаться общей милитаристской тональности. В этом смысле личность Кано Дзигоро вызывает огромное уважение.

Л.В. Овчинникова (ИСАА), основываясь на опубликованных в Сеуле служебных материалах японского генерал-губернаторства в Корее, проанализировала методы управления и контроля японских колониальных властей в отношении корейских

¹ «Иллюстрированный рассказ о монгольском вторжении», создан предположительно между 1293 г. и 1324 г.

религиозных организаций и групп в 1930-е годы. Политика колониальных властей была достаточно гибкой и включала не только репрессии, но и меры политического и идеологического воздействия и давления, оказавшиеся довольно результативными.

В интереснейшем и щедро иллюстрированном докладе **Е.К. Симоновой-Гудзенко** (ИСАА) на богатом картографическом материале проанализированы различные модели изображения Японии в японской, корейской, китайской и европейской картографии. Выяснилось, что корейские и китайские карты XV–XVI вв., как и более поздние японские, корейские и китайские карты XVII–XIX вв., испытали несомненное влияние японских карт Гёги XIV–XVI вв. Изображение Японии на европейских картах XVI в. в значительной степени следовало традициям китайских и корейских карт XV–XVI вв. Однако в более поздних (с XVII в.) японских, корейских и китайских картах в изображении собственно Японии уже заметно обратное влияние европейской картографии.

В.В. Щепкин (Институт восточных рукописей, СПб.) в докладе «О первых отдельных картах Японии, созданных в России» сообщил о найденной в архиве Института восточных рукописей отдельной карте Японии, созданной в России в начале XIX в., об увлекательных поисках похожих карт в других российских архивах, а также о японских прототипах и путях их проникновения в Россию. Обнаруженную в питерском архиве карту исследователь привез с собой, но никто из участников конференции не дерзнул к ней прикоснуться, смиренно довольствуясь отсканированным изображением.

На архивных материалах основывалось и исследование **В.Ю. Климова** (Ин-т вост. рукописей, СПб.), «Японские послы “на празднике у Излера”» (1862 г.), посвященное приему в честь японских послов, устроенному у петербургского антрепренера и кондитера швейцарского происхождения И.И. Излера. Построенное в том числе и на сопоставлении японских и русских источников исследование демонстрирует, как российская сторона в своем желании превзойти прием, оказанный японцам в Европе, порою забывала о самих японцах – не давая им четких разъяснений, куда их везут, и плохо, по-видимому, представляя, как выглядит происходящее в глазах японских гостей.

О.В. Климова (НИУ ВШЭ, СПб.) рассказала о Второй экспедиции лейтенанта Хвостова на Сахалин 1807 г., особое внимание уделив малоизвестному письму лейтенанта в адрес японского правительства. Основанные на архивных данных выступления О.В. Климовой не впервые заставляют участников конференции слушать, затаив дыхание, порою взрываясь хохотом. Ведь здесь и яркие бытовые зарисовки, и поразительное несоответствие добрых намерений установления торговых отношений с Японией и агрессивно-разнузданных методов, коими русские (впрочем, без официального разрешения петербургских властей) пытались этого добиться. Так, упомянутое письмо Хвостова написано порою в угрожающем тоне, а подпись под ним гласит – «От России» (!). Возможно, это один из ярких примеров того, в какие неприглядные формы могли выливаться представления о великой России у российских военных, разозленных неуступчивостью маленькой островной страны.

В докладе **Е.Б. Сахаровой** (ИВКА РГГУ) «“Записи о драгоценных для страны добрососедских отношениях” (“Дзэнринкоку хоки”, 1470 г.): первый сборник дипломатической переписки» рассказывалось об истории и целях создания этого

исторического памятника, его структуре, программных установках, изложенных его составителем – монахом Дзукэем, в предисловии к источнику.

В.Н. Кудояров (Токийский университет) рассказал об инциденте с британским кораблем «Фаэтон» и его последствиях. В 1808 г. корабль «Фаэтон» вошел в порт Нагасаки под голландским флагом и захватил двух голландцев в качестве пленников. Инцидент показал неспособность властей Нагасаки оказать военный отпор, актуализировал вопрос о необходимости укрепления морской обороны. В то же время он побудил японцев переводить западные труды по судостроению, математике и инженерии, а также составить первый англо-японский словарь. Наряду с изучением голландского языка была осознана необходимость изучать и английский.

С.А. Родин (ИВКА РГГУ) рассказал о «Дзинкокуки» («Записях о людях различных провинций»), автор и дата составления неизвестны, по-видимому, начало XVII века. Это первый японский источник, целиком посвященный идее о влиянии природных условий на формирование характера человека и рассказывающий в контексте этой идеи о жителях всех провинций Японии. Докладчик отметил определенную географическую неравномерность – жители центрального района Кинай, и особенно восточной Японии оказались наделены особыми добродетелями, разумеется, географически детерминированными.

А.Н. Мешеряков (ИВКА РГГУ) проанализировал отношение известного японского ученого Нисикава Дзёкэн (1648–1724) к проблеме культурных заимствований – важной и чувствительной для Нисикава и многих его современников, понимавших, сколь многим Япония обязана Китаю. Нисикава выдвигает концепцию адаптации заимствований японскими мудрецами и богами, прекрасно понимавшими, что можно и что нельзя использовать в неизменном виде. Такая проблема и идея ее разрешения, безусловно, сохранили актуальность и в последующие периоды японской истории.

Е.Л. Скворцова (ИВ РАН) рассмотрела основные проблемы самобытности японской культуры, поставленные в работах известной отечественной исследовательницы Т.П. Григорьевой и американки японского происхождения Т. Сугиямы-Лебра.

Доклад **А.А. Борисовой** (СПбГУ) был посвящен жизнестойкости системы *измото* на примере школы игры на кото Саваи. Слова докладчицы о попытке Саваи Тадао и Саваи Кадзуэ избавиться от традиционных иерархических ценностей вызвали очень эмоциональные критические замечания Н.Ф. Голубинской и В.П. Мазурика, не понаслышке знакомых с тем, как работает данная система: Наталья Федоровна обучалась игре на кото у японских наставников, а Виктор Петрович многие годы изучает чайную церемонию. Реакция исследователей, знакомых с системой *измото* изнутри, еще раз подчеркнула, сколь велика ее роль даже в условиях современности.

Доклад **Е.С. Штейнера** (ВШЭ) «Любви напрасный труд, или Русский путь из японофилов в японофобы» был посвящен межкультурной коммуникации российских путешественников и резидентов Японии с японцами. Главным материалом для исследования послужил неопубликованный труд священника И.Н. Серышева (1883–?), хранящийся в Бахметьевском архиве библиотеки Колумбийского университета. Как и многие заочно полюбившие Японию русские, И.Н. Серышев, оказавшись в Японии, прошел путь от прежнего обожания к неприятию Японии и ее культуры. Доклад вызвал дебаты. Как

справедливо заметил А.Н. Мещеряков, похожий путь проделали и многие японцы, ездившие учиться в Европу и Америку в начале эпохи Мэйдзи. Заочная любовь зачастую не выдерживала встречи с суровой действительностью. Любить чужую культуру, как и другого человека, такими, каковы они есть, – долгий и нелегкий путь, невозможный без любви и отваги.

У организаторов и участников конференции, думается, запас любви и отваги внушительный. Ведь за 18 лет конференция прошла немалый путь. Хронологически стала ровнее (поначалу был заметный перекося в сторону древности и чрезвычайно мало докладов по эпохам Камакура и Муромати), тематически – разнообразнее. Как сказал в заключительном слове А.Н. Мещеряков, – «У нашей конференции есть и неизменное ядро, и приток свежих новых исследователей». Пожелаем конференции дальнейших успехов и долгих лет жизни!

Поступила в редакцию 18.03.2016

Автор:

Сахарова Евгения Борисовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры Истории и филологии Дальнего Востока, ИВКА РГГУ. E-mail: saharovae@gmail.com

The 18th Annual International Conference «History and Culture of Japan»

E.B. Sakharova

The 18th Annual International Conference “History and Culture of Japan” was held in Moscow, at Russian State University for the Humanities on February, 17-19. The conference was organized by Institute for Oriental and Classical Studies of Russian State University for the Humanities. 45 scholars in various fields took part in the conference (History, Philology, Arts, etc.). Many papers examined different aspects of Japan’s communication with external world - cartography, conception of barbarians and foreigners in ancient and medieval Japan, European painting and music in Meiji Japan, etc. Some presented papers offered new archival sources, making the Conference a significant event in Japanese studies.

Keywords: conference, History and Culture of Japan, Institute for Oriental and Classical Studies, Russian State University for the Humanities.

Author:

Sakharova Evgeniya B., Ph.D. (History), Associate Professor at the Department of History and Philology of the Far East, Institute for Oriental and Classical Studies of Russian State University for the Humanities. E-mail: saharovae@gmail.com